

Мурахас М.С.**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ УСКУТ**

Изыскания в области истории культуры, этнографии крымских татар позволили бы наряду с раскрытием их самобытности, проследить процессы взаимовлияния духовных традиций, которые нашли отражение в различных сферах материальной культуры [1].

Большое количество слов, имеющих греческую и итальянскую этимологию, обнаруженных нами в ускутском говоре южнобережного диалекта, как оказалось не случайно. В этой статье нами предпринимается попытка раскрыть некоторые исторические предпосылки данного языкового явления. Работа предвзает раздел «Лексические особенности ускутского говора» научного исследования.

Цель и задачи исследования. Цель работы – выявить причины лингвистической обособленности ускутского говора от общего языкового поля. Задачи исследования – диахронический анализ этнических пластов, принявших участие в формировании ускутского этноса в свете исторических закономерностей развития восточного южнобережья Крыма.

Актуальность изучения выдвинутой проблемы обусловлена необходимостью составления наиболее полной картины языковых процессов, сформировавших современный кымскотатарский язык, создания многосторонней, полифоничной истории языка, отвечающей требованиям современного научного исследования. Разработка данной проблемы обусловлена также необходимостью дополнения существующих, крайне недостаточных, исследований в области крымскотатарской диалектологии.

Практическое значение результатов исследования. Полученные материалы могут быть использованы для чтения на диалектологических спецкурсах, при разработке диалектного словаря кымскотатарского языка. Материалы работы могут быть применимы в этнологических исследованиях, призванных определить основные этногенные процессы Крымского полуострова.

О населении Крыма В.В. Радлов писал: «...самое видное место между этими народностями, говорящими на тюркском языке, занимают крымские татары, совершенно поглотившие в продолжении векового владычества крымских ханов большую часть греческого и остатки готского населения южного Крыма» [1].

«В свою очередь греки, ассимилированные тюркоязычными предками крымских татар, оставили в крымскотатарском языке заметные следы в виде лексических заимствований, свидетельствующих о том, что в области культуры и различных видов хозяйственной деятельности на крымских татар большое влияние оказали их экономически гораздо более развитые соседи – греки» – отмечает профессор А.М. Меметов [1, с. 167].

При этом нетюркские земледельческие племена в целом без особых изменений сохранили свои этнографические и антропологические характеристики. Эти признаки наблюдаются в дошедших до наших дней этнографических группах крымцев-южнобережцев, горцев и предгорных жителей.

Заселение Крыма греками происходило в 3 этапа.

Греческая колонизация черноморского берега Крыма началась еще в античные времена и связана с бурным ростом греческих полисов. В поисках лучшей жизни и плодородных незанятых земель ионийские греки (Иония – прибрежная область Малой Азии) – в основном это были выходцы из крупнейшего города Малой Азии Милета – устремлялись к берегам Эвкийского Понта (в переводе «Гостеприимное море»). Важную роль в колонизации Черноморского побережья сыграли жители и других мест Греции и Малой Азии. Большую помощь в выборе мест для будущих колоний, которые выбирались заранее и очень тщательно, оказывал Дельфийский оракул. Жрецы его хорошо были осведомлены о наличии таких районов. Побережье Черного моря в полной мере отвечало требованиям, которые греки предъявляли к местам будущих поселений. Земли здесь были плодородными, удобными для жизни, с надежными источниками питьевой воды и удобными гаванями [3, с. 9, 10].

В колонии уходили в основном малоземельные и безземельные жители греческих полисов.

С середины VIII в. началась интенсивная иммиграция в Крым византийских греков. Вероятно, это переселение было вызвано религиозной борьбой иконоборцев с почитателями икон, длившееся с переменным успехом почти сто лет. Победа иконоборцев вынудила иконопочитателей бежать в Таврику, одну из окраинных провинций Византии. В то время в окрестностях Сугдеи существовало несколько поселений. Жили здесь греки, потомки тавров и скифов, аланы и другие племена, подвергшиеся сильной эллинизации – греческому влиянию [5, с. 15, 16].

В XIII в. особенно в первой его половине торговое первенство в Сугдее принадлежало венецианцам, но уже к концу столетия перед городом возникла опасность в лице новых пришельцев – генуэзцев.

Республика Генуя давно рвалась к черноморской торговле; в 1261 г. генуэзцы получили от византийского императора Михаила Палеолога монопольное право плавать по всему Черному морю и основали в 60-х годах торговую факторию в Кафе (на месте Феодосии). Кафа вскоре стала значительным опорным пунктом Генуи. В июле 1365 г. генуэзцы внезапно напали на Сугдею, взяли ее приступом и захватили 18 селений в округе. Разноплеменное население города (большинство составляли греки) не оказало серьезно сопротивления.

После падения Сугдеи генуэзцы прибрали к рукам все крымское побережье от Чернио (Керчь) до Чембало (Балаклава, в черте современного Севастополя). Кафа стала центром их колоний в Северном Причерноморье. Солдаия, как генуэзцы нарекли Сугдею, превратилась в укрепленное поселение: власти Кафы запретили ей принимать и отправлять торговые суда. Вся международная торговля теперь была со-

средоточена в Кафе. Однако в Судакe, утратившем свое былое значение, остается еще достаточно ремесленников, в частности строителей, которых генуэзцы используют для возведения и починки крепостных сооружений [5, с. 20, 21].

Солдайя управлялась на основании «Устава для генуэзских колоний на Черном море», изданного в Генуе в 1449 г. При консуле состоял «попечительный» комитет из двух лиц – генуэзца и грека.

Кроме города – крепости, существовали еще и пригородные поселения.

С 1453 г. положение генуэзских колоний в Крыму резко ухудшается. Турки османы захватили столицу Византии Константинополь, покорили жителей и взяли под контроль Босфорский пролив. В результате торговля Крыма со Средиземноморьем почти прекратилась, две колонии генуэзцев оказались отрезанными от метрополии.

Крымские колонии стали теперь обузой для республики Генуи, и она уступила их генуэзскому банку святого Георгия – самому богатому в Европе. Поскольку контроль со стороны правителей банка отсутствовал, генуэзские чиновники все более погрязали в злоупотреблении и взяточничестве. Отсюда и недовольство населения, только в Кафе с 1454 по 1475 год было пять народных восстаний. Восстание в Солдаиде в 1470 г. удалось подавить лишь с помощью кафинских войск.

Одновременно феодалы усилили эксплуатацию солдайского населения. В архиве Генуи хранится переписка последнего консула Солдаиды Христофоро ди Негро по так называемому «делу братьев Гуаско». Из писем явствует, что помещики братья ди Гуаско незаконно захватили в Солдайском консульстве деревню Скути (ныне Приветное) и Тасили (по-видимому, близ с. Морского). Они пытались закрепить жителей: отбирали у них хлеб и скот, давили непомерными налогами, повинностями, сами правили суд, пытали и предавали смертной казни. В знак своей власти Гуаско поставили в Скути виселицу, а на границе своих владений – позорный столб для наказания плетьюми.

Консул ди Негро, возмущенный незаконными действиями феодалов, послал своих стражников уничтожить позорный столб и виселицу, но их встретил большой вооруженный отряд братьев Гуаско, тогда ди Негро написал жалобу кафинскому консулу, требуя привлечь Гуаско к суду и наказать. Но консул Кафы повелел солдайскому консулу впредь не беспокоить ни тех братьев, ни их людей [5, с. 21, 22].

Генуэзские колонии, процветавшие при татарах, погибли не от этого мирного соседства. Они пали лишь в 1475 г., когда на берег высадились турецкие янычары, поддержанные корабельной артиллерией, взяли крепости одну за другой, учинив в них страшную резню.

Однако значительной части генуэзцев удалось спастись. Главы старых кафинских и солдайских родов, не дожидаясь падения крепостных стен «со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы» (Тизенгаузен В., 1889, 26) еще в годы первых монгольских походов, то есть в начале XIII в. И с тех пор жили там, уже полтора века занимаясь виноградарством и садоводством. Турки их не тронули, как многих керченцев и феодосийцев итальянского происхождения, которые остались жить в старых кварталах [8, с. 124].

Селение Ускут, своеобразное в языковом и культурном отношении, не входящее ни в один из существующих диалектов, в речи жителей которого сохранилось наибольшее количество грецизмов, находится на границе районов, относящихся к Алуште и Судаку.

Есть несколько трактовок названия деревни «Ускут».

Вероятнее всего название восходит к греческому «Скути». Именно данная фонетически ранняя форма используется в упомянутых нами выше исторических документах. Возможно это связано с тем, что самобытность и обособленность ее существования уже тогда не находила вразумительного объяснения у вновь прибывших племен. Ведь в переводе оно означает «темный, невежественный».

Версия, описанная Кондараки звучит так: «От Туака не более двух часов езды до Искута, одной из самых больших и богатейших деревень на крымском полуострове. «Искут» в переводе значит «стой!». Туземцы полагают, что название это дано деревне их толпою, искавшею выгодной местности для поселения, и когда искатели спустились с гор к этим роскошным полям, предводитель их, убежденный в невозможности найти более удобства для жизни крикнул «Искут!» и велел селиться. Они же уверены, что на этом месте раньше их существовало греческое селение Ай-Ери (то есть Св. Георгия), расположенной на той самой великолепной поляне у самого берега, где ниже находятся огороды замечательных огурцов...

Само селение занимает подножие высоких гор, расположившихся против севера и запада в виде амфитеатра. Все домики построены однообразно и так близко один к другому, что издали можно принять за длинные коридоры с плоскою кровлею, покрашенною глиной стального цвета. В центре деревни стоит прекрасная мечеть с высоким каменным минаретом, подобным бахчисарайским. Здесь редко встретишь бедняка, нуждающегося в дневном пропитании, все имеют свои виноградные и фруктовые сады, свою хлебопахотную, сенокосную и лесную землю на пространстве около 8 тысяч десятин.

Искусские татары тем еще отличаются от прочих единоверцев своих в Крыму, что решительно не принимают в общество свое сторонних людей и никогда не выдают замуж дочерей своих в чужие деревни [6, Т 2, с. 245, 246].

Как видим, в данной трактовке упоминается более поздняя форма «Искут», которая произошла от «Скути» в результате обязательного для ускутского говора фонетического явления – протезы (стакан – истакан, скемле – искемле, скеле – искеле), и выпадения нефункционального для языка-реципиента окончания.

Появившаяся позднее фонетическая форма «Ускут» имеет схожесть с итальянской «Uskit», что в переводе означает «выход». Данной версии о происхождении названия селения придерживается и наш научный руководитель профессор А.М. Меметов. Будучи в деловой поездке по Италии, он случайно встречает расположенное на берегу моря кафе с таким же названием. Во время непродолжительной беседы с мест-

ными жителями он узнает, что название это дано потому, что стоит на окраине города, у моря, и в переводе означает «выход». По мнению А. М. Меметова именно данная ассоциация и послужила мотивом к трансформации названия в «Ускут». Ведь селение действительно располагалось у моря и являлось как бы выходом к нему для других сел, находившихся отдаленнее от моря.

С фонетической точки зрения данная трансформация также оправдана тенденцией огубленной регрессивной ассимиляции гласных: (Искут – Ускут).

Старожилы села в собственной трактовке происхождения названия так же используют форму «Ускут», возводя ее к общетюркским корням «усть» с лексическим значением «выше, превосходящий» и «куть» со значением «чти, будь верен». Этим можно объяснить форму, используемую в литературном языке для обозначения названия данного села «Ускют». Как видим, произошло смягчение второго гласного за счет отвердения конечного согласного.

Крупный исследователь южнобережья Б. Куфтин пишет: «Татары южного берега представляют группу, вполне определенную не только географически, но и культурно. У татар предгорного Крыма они известны под именем татов. Этим именем называют себя и сами татары наиболее глухих деревень Судакского района из бывших генуэзских колоний, например с. Ускют, Шилень, Ай-Серез и др» [4, с. 242].

Происхождение и смысл имени «тат» не поддается объяснению, пишет Б. Куфтин. Одно из определенных мы нашли у Араджиони М. в работе «Переселение греков в Азовскую губернию 1778-1780 гг.»: «Многочисленные интерпретации слова «тат» привели к выводу о существовании этнонима в среде крымских татар: «Страна татов», по описанию путешественников, находится на Южном побережье и в горной части Восточного Крыма. Она являлась этнической территорией грекоязычной группы крымских христиан, а также части крымско-татарского этноса. В результате сложных этнических процессов, происшедших в этом регионе в позднем средневековье, а также влияния турецкой и местной христианской культур сложилась территориальная группа южнобережных татар, которые по антропологическим, языковым данным и некоторым особенностям традиционной культуры стала отличаться от татар горного и степного Крыма. Поэтому южнобережных крымских татар, живших в степи, их соотечественники стали называть «тат», также как и их соседи греко-язычных христиан».

Как бы в подтверждении этих слов мы находим у Б.Куфтина: «Любопытно, что татами называли себя также те из мариупольских греков, выселенных в 1778 г. из Крыма, которые будучи выходцами из прежних генуэзских колоний, в противоположность грекам юго-западной части горного Крыма, говорящим только по-татарски, сохранили родной греческий диалект. Сильное влияние южнотурецкого османского языка отличает говор южнобережных татар от прочих татар Крыма, свидетельствуя о значительном влиянии на них турецко-османской культуры. Почти на чистом южнотурецком языке говорят татары Алушты, Ялты, Гурзуфа, но татары горных деревень Судакского района отличаются редко выраженными диалектическими особенностями, например, замена «к» мягкого (среднебного) «ч», «к» твердого (заднебного) «х», что частью может объясняться влиянием анатолийских наречий. Замечательно, что указанная фонетическая черта характеризовала говор и местного греческого населения. (Антропологически южнобережные татары отличаются отсутствием монголоидных признаков. Напротив, А. Хайрудин отмечает влияние иранского типа, может быть алан) [4,с. 242].

Как дополнительный фактор, свидетельствующий о сохранении основы южнобережного и горного населения Крыма следует отметить некоторые антропологические и языковые отличия жителей селений судакского региона (полоса Судак – Ускут до 1944 г.) от соседних деревень алуштинского региона и деревень, расположенных в промежутке между Судакком и Старым Крымом, обусловленные, вероятнее всего, генуэзской колонизацией. Некоторые антропологические и культурные отличия южнобережных и горных татар и их говоров между собой и, в свою очередь, этих двух субэтнических групп от предгорных крымских татар отмечается в работах и других этнографов [7,с.40].

Исследователи приводят факты нежелания христиан уходить из Крыма, подтверждая их выдержками из архивных документов. В литературе есть сведения, что некоторые принимали ислам, чтобы остаться в Крыму, например, жители с. Биюк-Узень-баш (Серафимов 1910 г.), с. Керменчик (Бертъе-Делагард 1899 г., Маркевич 1910 г.), с. Искут, Ламбат и Варнутка (Кондараки, 1875 г.) В работах В.И. Григоровича, С.Г. Яли и др. встречаются упоминания о фамилиях потомков крымских переселенцев и бытующих среди них кличках [9, с. 51]. Ниже будут приведены фамилии ускутцев, в основе которых лежат клички греческого происхождения.

Некоторые исследователи считают, что средиземноморская компонента особенно заметна в культуре и искусстве крымских татар. Отмечается, что она у определенной части народа (горцы, южнобережцы), более глубинна, исторически первична и часть превалирует в этих областях [7, с.40].

Так, например, Б.Куфтин, описывая южные жилища, отмечает: «Своеобразный тип южнобережной деревни по своему происхождению не может быть сведен ни к общетурецким степным формам, ни объяснен влиянием готских, аланских, скифских, которые естественно искать на почве Крыма. Сходство южнобережных построек с закавказскими и малоазиатскими заставляет относить появление и их развитие в Крыму к тому культурному слою, который может быть предшествовал появлению здесь скифов, первых греческих колоний и с которым связана древнейшая этническая история всего Средиземноморья» [6, с.246].

Задолго до прихода тюркских племен на полуострове сложилась тенденция смешения этносов и образования новых народов на основе полиэтнических субстратов. Происходит постепенное, пролонгированное вращение греческой культуры в местную, что позволит позднее говорить о единой Средиземноморско-черноморской культуре. По-видимому, именно в это время в процессе общения и обмена культурны-

ми и материальными ценностями возникают первые языковые взаимодействия в речи аборигенных народов. Со временем древнегреческое койне становится доминирующим на побережье и постепенно проникает в глубь полуострова, формируя субстратную основу для возникновения новых языков [7, с. 47].

По мнению А.С. Мазина у южнобережцев и горцев Крыма заимствования греческого и итальянского происхождения в большей степени относятся к предметам и явлениям бытового плана, обозначающим объекты материальной культуры, тогда как в большей части тюркских языков – это заимствование наиболее общего характера, неологизмы, стилистически отмеченные лексемы, слова литературного языка [7, с. 46].

Это явление подтверждает предположение о том, что в этногенезе южнобережных крымских татар непосредственное участие приняли греки. О чем свидетельствуют и антропологические данные, и исторические источники. Татары Ускута кроме обычного выражающего отчество «оглу» носят еще греческие фамилии «Кафадар», «Паралам», «Барбу» и др., что указывает на их происхождение от греков. Весьма вероятно, что это потомки отатарившихся греков, которые во время выселения их в Мариуполь не пожелали расстаться с насиженными гнездами и предпочли выдать себя за татар» [1, с.167].

По количеству грецизмов село Ускут заметно отличается от общего языкового поля. Наибольшее количество лексики греческого происхождения, не совпадающей с общеупотребительными заимствованиями в диалектах крымско-татарского языка, существует в речи уроженцев этой деревни [7, с.46].

Источники и литература

1. Меметов А.М. Лексикология крымскотатарского языка. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000.
2. Джуха И. Одиссея мариупольских греков. Очерки истории. – Вологда: ЛиС, 1993. – 160 с.
3. Кесмеджи П.А. Греки Крыма. – Симферополь: Издательский Дом «Амена». – 132 с.
4. Куфтин Б. Южнобережные татары Крыма. – Забвению не подлежит. – Казань: Татарское книжное издательство, 1992. – 256 с.
5. Полканов А.И., Полканов Ю.А. Судак. – Симферополь: Издательство «Таврия», 1978. – 111 с.
6. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. – Т. 2.– С. 245, 246.
7. Мазин А.С. Греческие и итальянские заимствования в крымскотатарском языке. – Симферополь, 2003.
8. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: «Мысль», 1992.
9. Араджиони М. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII в. – 90-е гг. XX в.). – Симферополь: Издательский Дом «Амена», 1999.

Наливайченко Е.В.

МИРОВОЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СВОБОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УКРАИНЕ

Сейчас в мире функционирует, по разным данным, от 400 до 2000 свободных экономических зон. Впервые СЭЗ были созданы в США по акту 1934 г. в виде зон внешней торговли. Целью их была активизация внешнеторговой деятельности посредством использования эффективных механизмов снижения таможенных издержек. При этом главным образом предполагалось сокращение импортных тарифов на детали и компоненты для производства автомобилей. В зоны внешней торговли были превращены склады, доки, аэропорты. Предприятия, действующие в указанных зонах, выводились из-под таможенного контроля в США, если импортируемые в зону товары затем направлялись в третью страну. Таможенные издержки снижались и тогда, когда в зоне осуществлялась "доводка" продукции фирм США для последующего экспорта. Если же товары из зоны шли в США, они в обязательном порядке проходили все таможенные процедуры, предусмотренные законодательством страны.

Успешным вариантом свободной экономической зоны стало создание зоны благоприятствования в Ирландии в 1957г. с центром в аэропорту "Шеннон". Территория зоны составляла всего 15 га. Цель ставилась скромная: получить дополнительно 300 новых рабочих мест. Здесь, однако, тот случай, когда результаты значительно превзошли ожидания.

Еще один удачный пример свободной экономической зоны, центром которой являлся аэропорт, – "Дог-Айленд" (Англия, 1982 г.). Площадь этой СЭЗ составила 2000 га. Под реализацию намеченной программы было привлечено более 1 млрд. ф.ст.

В 1967 г. в Бразилии была создана свободная экономическая зона иного типа – "промышленный округ свободной зоны Манаус" (Амазония). Выделенная для этой СЭЗ площадь – 3,6 млн. кв. км; цель – стимулирование развития промышленного производства; основное средство достижения цели – налоговые льготы. Эта зона получила быстрое развитие, что в значительной степени повлияло на оздоровление экономики всей Бразилии. Ядро СЭЗ составили примерно 30 сырьевых и топливно-энергетических отраслей, продукция которых потреблялась в самой Бразилии. Экспорт зоны достигал только 3-5% производства.

В 1978 г. в Китае были созданы свободные экономические зоны в 14 прибрежных городах. Цель – развитие внешней торговли. Основным инструментом – налоговые и таможенные льготы. На каждый гектар зоны в период ее становления ежегодно вкладывалось примерно 15-17 млн. долл. США. Всего с момента создания по 1987г. в СЭЗ Китая было привлечено приблизительно 22 млрд. долл. Через них проходило 2/3 внешнего товарооборота страны. В 1990г. экспорт только одной зоны Шеньчжень составил 3 млрд. долл.